

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF THE MATERIAL CULTURE



ÉLITE

ÉGALITÉ...

NORTHERN RUS'
AND CULTURAL
TRANSFORMATIONS
IN EUROPE
IN THE 600–1300 A.D.



BRANKO PUBLISHING HOUSE
ST PETERSBURG
2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ



ÉLITE

ÉGALITÉ...

СЕВЕРНАЯ РУСЬ
И КУЛЬТУРНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В ЕВРОПЕ
VII–XII ВВ.



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «БРАНКО»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

УДК 902/904(47)
ББК 63.4(2)
С28

Ответственный редактор *д.и.н. Н. И. Платонова*
Рецензенты: *д.и.н. А. И. Сакса, к.и.н. А. А. Пескова*

С28 **Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.** / отв. ред. Н. И. Платонова. — СПб. : Издательский дом «Бранко», 2017. — 312 с.

ISBN 978-5-903521-50-0

Печатается по решению ученого совета ИИМК РАН

В книге представлены материалы двух научно-практических конференций, посвященных проблемам выделения элитарных древностей в раннесредневековых культурах Восточной Европы и специфике отражения культурных трансформаций в археологическом материале. Обе конференции были проведены в ИИМК РАН (Санкт-Петербург) в 2015–2016 гг.

Тематика сборника касается преимущественно памятников эпохи викингов в Восточной Европе. Анализируются проблемы, связанные с ранним этапом древнерусской культуры — процессом ее формирования, различными компонентами и т. д., а также перспективы изучения древнерусской элиты и выделения социальных маркеров элитарных групп в археологических источниках. Приводятся публикации новых памятников I — начала II тыс. н. э., выявленных на древнерусском «пограничье» — на Карельском перешейке и в бассейне нижней Луги. Ряд статей посвящен материалам крупных городских и протогородских поселений Древней Руси и Литвы, а также изучению локальных центров IX–XII вв. на Северо-Западе России и в Северной Германии.

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков: столкновение традиций на пути к единству» (рук. Е. Н. Носов).

ISBN 978-5-903521-50-0

© Институт истории
материальной культуры РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Н. И. Платонова, предисловие, составление, 2017
© Издательский дом «Бранко», оформление, 2017

От редактора

В 2015 г. в отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН одновременно были начаты исследования по двум проектам: «Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков: столкновение традиций на пути к единству», (рук. Е. Н. Носов) и «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным» (рук. Н. И. Платонова). Работа по проектам шла соответственно в рамках ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» и ПФИ ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Конкретные исследования осуществлялись коллективами в тесном взаимодействии.

С самого начала работы над проектами одной из важнейших задач была признана организация широкого научного обсуждения проблематики культурных трансформаций в раннесредневековой Европе и тесно связанного с ней вопроса об археологических критериях элитарной культуры. Оптимальным форматом для организации плодотворной дискуссии по этим темам была признана не слишком многолюдная научно-практическая конференция, оставляющая значительное время на спокойное, деловое обсуждение докладов. В результате в ИИМК РАН прошли две такие конференции с участием коллег из Эрмитажа, СПбГУ, МАЭ РАН (Кунсткамеры) и ИА РАН: 1) *Элитарная культура стран Восточной Европы второй половины I — начала II тыс. н. э.* (4–5 июня 2015 г.); 2) *Социокультурные трансформации в Восточной Европе середины I — начала II тыс. н. э.* (30–31 мая 2016 г.).

Настоящий сборник подготовлен по материалам заслушанных докладов и дискуссии. В нем доминирует тематика, так или иначе связанная с периодом последней четверти I — начала II тыс. н. э. в Восточной и Центральной Европе. На первый план выступают проблемы, связанные с ранним этапом древнерусской культуры — процессом ее формирования, различными компонентами и спецификой их отражения в археологических источниках. Весь материал разделен на три больших блока, посвященных: 1) общим вопросам и историографии археологии элит; 2) погребальным памятникам; 3) археологии городов и поселений.

Вниманию читателя предлагаются как обзорные работы (см. раздел 1), так и публикации конкретных памятников, их описание и сравнительный анализ в контексте проблемы исследования социальных структур по археологическим данным. В ряде статей предметно ставится вопрос о методах и перспективах изучения древнерусской элиты и выделения «социальных маркеров» отдельных ее группировок на базе конкретных археологических источников (раздел 2, статьи Е. Р. Михайловой и В. Ю. Соболева, Н. И. Платоновой).

Некоторые публикации посвящены новым памятникам железного века и раннего Средневековья, выявленным на древнерусском «пограничье» — на Карельском перешейке и в бассейне нижней Луги (западные отроги Ижорского плато). Вплоть до последних десятилетий древности этих периодов не были здесь представлены. Новые открытия, в том числе исследование городищ, в культурном слое которых представлены остатки, датируемые от I тыс. до н. э. до эпохи викингов, и таких не известных ранее категорий памятников, как одиночные погребения «на каменных вымостках», заставляют серьезно скорректировать представления о культурных процессах на данной территории в эпоху, предшествовавшую широкому распространению памятников древнерусской культуры (разделы 2 и 3; статьи С. В. Бельского, И. В. Стасюка, Е. Р. Михайловой).

Schuldt E. Die frühslawische Befestigung von Sternberger Burg, Kreis Sternberg. Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern 1982, 1983. S. 97–146.

Schuldt E. Der Burgwall von Groß Görnow und die frühen slawischen Befestigungen im Gebiet der oberen Warnow. Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg 1984. 1985a. S. 311–336.

Schuldt E. Groß Raden. Ein slawischer Tempelort des 9./10. Jahrhunderts in Mecklenburg. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte Band 39. Berlin, 1985b.

Segsneider M. (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord- und Ostsee. Neumünster, 2009a.

Segsneider M. Die Ringwälle auf den nordfriesischen Inseln // *M. Segsneider* (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord- und Ostsee. Neumünster, 2009. S. 99–110.

Sprockhoff E. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabung der Hünenburg bei Stöttinghausen, Bezirk Bremen // *Germania* 17. 1933. S. 213–218.

Sprockhoff E. Der Ringwall bei Altencelle, Kr. Celle // *Germania* 21, 1937. S. 118–123.

Sprockhoff E. Die Ausgrabung der Hünenburg bei Emsbüren, Kr. Lingen // *Germania* 27, 1943, S. 168–183.

Struwe K. W. Der Burgwall von Hitzhusen, Kr. Segeberg // *Offa* 20. 1963. S. 57–73.

Struwe K. W. Probleme der Burgenforschung im frühgeschichtlichen Holstengau. Sonderdruck aus „Urkirchspiel im Holstengau“ – Schenefelder Geschichtsbeiträge zum Ansgarjahr 1965. Hademarschen, 1965.

Struwe K. W. Die frühgeschichtlichen Burgen Dithmarschens im Rahmen der holsteinischen Burgenentwicklung. Dithmarschen 1. 1972. S. 13–21.

Struwe K. W. Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwällen Ostholsteins // *Ausgrabungen in Deutschland* 3. Frühmittelalter II. Archäologie und Naturwissenschaften. Mainz, 1975. S. 98–122.

Struwe K. W. Die Burgen in Schleswig-Holstein 1. Die slawischen Burgen (= *Offa-Bücher* N. F. 35). Neumünster, 1981.

Suchowa K. – *P.* Ausgrabungen im Herzen Hamburgs – Erkenntnisse zur Neuen Burg und Nikolaikirche // *Jahrbuch des Alstervereins*. 2016/17. S. 9–22.

Ullrich M. Slawenburg Raddusch: Eine Rettungsgrabung im Niederlausitzer Braunkohlenabbaugebiet. Brandenburgisches Landesamt für Denkmalpflege, 2003.

Unverzagt W. Ausgrabungen in der Burg von Lebus/Oder während der Jahre 1941–1944 // *Ausgrabungen und Funde* 3. 1958. S. 119–126.

Unverzagt W., Schuldt E. Teterow. Ein slawischer Burgwall in Mecklenburg. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte Band 13. Berlin 1963.

von Uslar R. Studien zu frühgeschichtlichen Befestigungen zwischen Nordsee und Alpen. Bonner Jahrbücher, Beiheft 11. Köln, Graz, 1964.

Wegewitz W. Harburger Heimat. Die Landschaft um Hamburg-Harburg. Hamburg, 1950.

Weidemann K. Frühmittelalterliche Burgen im Land zwischen Elbe- und Wesermündung // *Aust H.* (Hrsg.). *Das Elb-Weser-Dreieck II: Forschungsprobleme, Exkursionen; Stade, Zeven, Bremervörde, Buxtehude. Führer zu vor- und frühgeschichtlichen Denkmälern* 30. Mainz, 1976. S. 165–211.

Wilschewski F. Die karolingischen Bischofssitze des sächsischen Stammesgebietes. Studien zur internationalen Architektur und Kunstgeschichte 46. Petersberg, 2007.

Zoller D. Die Bokelerburg. Eine Ringwallanlage auf der nordoldenburgischen Geest // *Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte* 39. 1970. S. 188–222.

Изделия североевропейского облика в материальной культуре городища Любша IX — начала X в.¹

(предварительное сообщение)

■ П. А. Миляев (ИИМК РАН)

Резюме. Городище Любша в Нижнем Поволжье определяется разными исследователями то как предшественник, то как «пригород» древнейшей Ладоги. В предварительных публикациях подчеркивались архаичность раннесредневекового комплекса Любши, его структурные отличия от Ладоги и наличие аналогий его крепостным сооружениям в юго-западных славянских землях. Ныне на веб-страницах многочисленных сообществ любителей истории этот памятник зачастую рассматривается как крепость западнобалтийских славян в Поволжье. Ведутся яростные споры о наличии/отсутствии там скандинавского компонента.

Тяжелая болезнь основного исследователя Любши — Е. А. Рябинина (1948–2010) — сильно затруднила систематизацию материала из раскопок. Полевая документация оказалась разрозненной и долгое время была недоступна. Автору статьи удалось разыскать и восстановить полный комплекс полевой документации по памятнику, включая документы, считавшиеся безвозвратно утраченными. Ныне начато исследование комплекса находок из культурного слоя Любши, связанных с ремесленным производством. В ходе его выявилась серия североевропейских импортов, ранее не привлекавших внимания, и сделан вывод о возможном присутствии на городище выходцев из Северной Европы.

Abstract. Lyubsha hillfort on the lower Volkhov, in 1,5 km from Ladoga was identified by different researchers as a predecessor or now as a 'suburb' of earliest Ladoga. Preliminary publications stressed the archaic character of the early mediaeval complex of Lyubsha, its structural differences from Ladoga and the presence of fortifications similar to those in southwest Slavic territories. According to this information, numerous history amateur web-pages now consider this site as a fortress of the west-Baltic Slavs on the Volkhov River. The presence or absence of a Scandinavian component here is widely discussed now.

Eygeniy A. Ryabinin (1948–2010) was the leading researcher of Lyubsha. Regrettably, his prolonged heavy disease made systematisation of materials from its excavations considerably difficult. The field records turned to be disconnected and for a long time had been inaccessible. Now the author succeeded in finding and restoration of the complete set of the field records on this site including the drawings which all had been considered irretrievably lost.

Studies of traces of jewellery-making obtained from the cultural layer of Lyubsha are now in progress. In the course of these investigations, a series of North-European imports, which hadn't been noted before, were identified and the conclusion was drawn on the possible presence of natives from Northern Europe at the site.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е.Н. Носов).

Ключевые слова: Городище Любша, Ладога, раскопки, культурный слой, славяне, скандинавы, ювелирное производство, североевропейские импорты.

Key-words: Lyubsha hillfort, Ladoga, excavations, cultural layer, Slavs, Scandinavians, jewellery-making, North-European imports.

Присутствие в составе населения Древней Руси представителей элитарных слоев общества определяется в первую очередь по материалам погребальных памятников. Наличие закрытых, узко датированных археологических комплексов, развитый и сложный погребальный обряд, качество и количество инвентаря — все это служит весьма надежной основой для ответственных выводов об этническом и социальном составе древнерусского общества и привлекает внимание к изучению элитных погребальных памятников.

Иначе обстоит дело с материалами селищ и городищ. Доказать с их помощью присутствие/отсутствие на поселениях представителей элиты крайне проблематично. Особенно это касается памятников периода эпохи викингов и становления Древнерусского государства VIII–X вв. Ведь те самые социально престижные вещи, которые обнаруживаются в богатых погребальных комплексах, в обычном быту редко терялись или ломались, кроме того, некоторые из них вообще не использовались в повседневной жизни. Подобные изделия, происходящие из слоев поселений, бывают сильно фрагментированы и трудно поддаются интерпретации. Данные обстоятельства резко сокращают количество признаков или категорий археологических источников, маркирующих присутствие представителей высших слоев средневекового общества на поселениях. К этому можно добавить и общую малочисленность выразительных, ярких находок в ранне-средневековых культурных слоях, а также проблемы с датированием, связанные с ограниченным количеством закрытых комплексов. В итоге вопрос о присутствии на тех или иных древнерусских поселениях IX–X вв. комплексов, которые можно связать с элитой тогдашнего общества, как правило, остается открытым.

Исключением из этого правила являются поселения, элитарный статус которых подтвержден летописными источниками. В качестве примера можно назвать Старую Ладогу, Рюриково городище, Киев, Чернигов, Полоцк и другие города, которые в письменных источниках изначально фигурируют как княжеские резиденции. Материалы археологии, как правило, подтверждают эти сведения, однако о большей части древнерусских поселений эпохи викингов мы не имеем в письменных источниках никакой информации.

Выделение признаков присутствия элиты на средневековых поселениях Северо-Запада особенно актуально, поскольку именно здесь возникло первое раннегосударственное образование с центром в Старой Ладоге (*Киртичников, Сарабьянов, 2013. С. 54*). Особую роль в его создании играли выходцы из Северной Европы и Скандинавии. Культурный и идеологический вектор ранне-средневековой элиты Древней Руси был направлен именно на Север. Судя

по имеющимся данным, полученным по материалам погребальных памятников и городских слоев, очень популярными и социально престижными являлись изделия в североевропейском стиле, прежде всего украшения, предметы вооружения, а также отдельные бытовые предметы и парадная столовая посуда. Однако и простые бытовые изделия североевропейского круга, по-видимому, пользовались стабильным спросом, что привело к их копированию и породило множество подражаний этим предметам. Таким образом, наличие вещей «северной вуали» может указывать на возможное присутствие на поселениях людей высокого социального статуса, а определенный набор этих вещей несет информацию о характере данной социальной группы.

Как уже говорилось выше, ярких и выдающихся находок на поселениях мало, но все же признаки присутствия элиты можно выделить именно среди фрагментов вещей северного облика, по крохам собирая картину социального и этнического состава жителей того или иного поселения и региона.

Следует отметить, что вещи, относящиеся к «северной вуали», бывают различного характера. Чаще всего это популярные «модные» изделия, пользовавшиеся спросом и служившие предметом торговли, реже предметы, использовавшиеся только выходцами из Скандинавии и соответственно имеющие более определенную этническую окраску. В материалах Северо-Запада внимание привлекают в том числе обычные бытовые предметы, генетически связанные с Северной Европой, изготовленные местными мастерами по иноземным образцам и прочно вошедшие в повседневную жизнь населения в эпоху викингов. Они свидетельствуют о заметном влиянии северной традиции на материальную культуру и быт в Древней Руси (*Носов, 2012. С. 114*).

В настоящей статье речь пойдет о вещах североевропейского облика с городища Любша в Нижнем Поволжье. Городище Любша расположено в 1,5 км к северо-востоку от Земляного городища и Каменной крепости Старой Ладоги, на правом высоком берегу реки Волхов (рис. 1). Оно занимает треугольный мыс при впадении в него речки Любши; с напольной стороны окружено подковообразным валом протяженностью около 70 м (рис. 2). Размеры городища 45 × 40 м, общая площадь памятника не более 1800 м² (*Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 196*). С севера площадка круто обрывается в сторону Волхова, с востока полого опускается к речке Любше. С напольной части к городищу примыкает обширное селище. Сам мыс плотно зарос лесом и кустарником, но поле, на котором расположено селище, свободно от растительности. Памятник сильно поврежден в результате хозяйственной деятельности в XVIII — начала XIX в., когда его территория входила в состав имения князей Шаховских (*Рябинин, 1998. С. 2*). В 1997–2001 гг. памятник активно исследовался Волховской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством Е. А. Рябинина (*Миляев, 2015. С. 113–116*), из материалов раскопок которой происходят предметы, описываемые в данной статье.

Исследователи Любшанского городища Е. А. Рябинин и А. В. Дубашинский не зафиксировали признаков присутствия на поселении выходцев из Скандинавии, отмечая, что найденные при раскопках вещи имеют аналогии

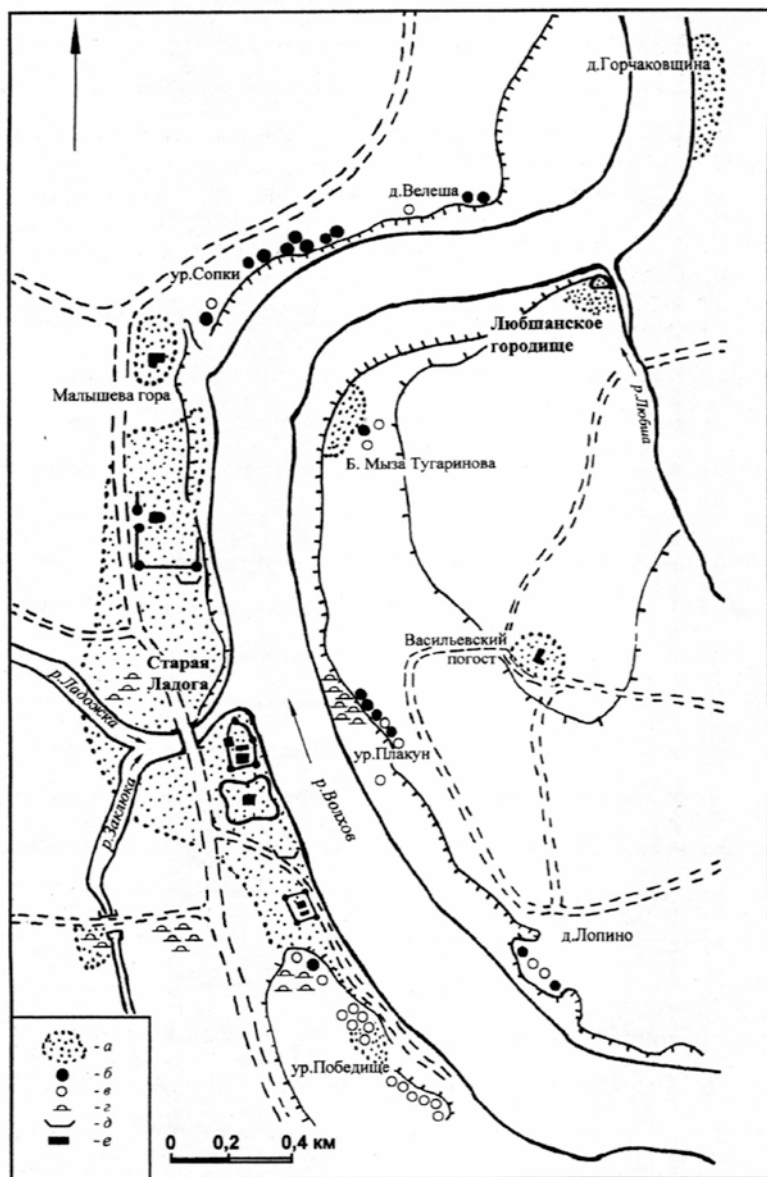
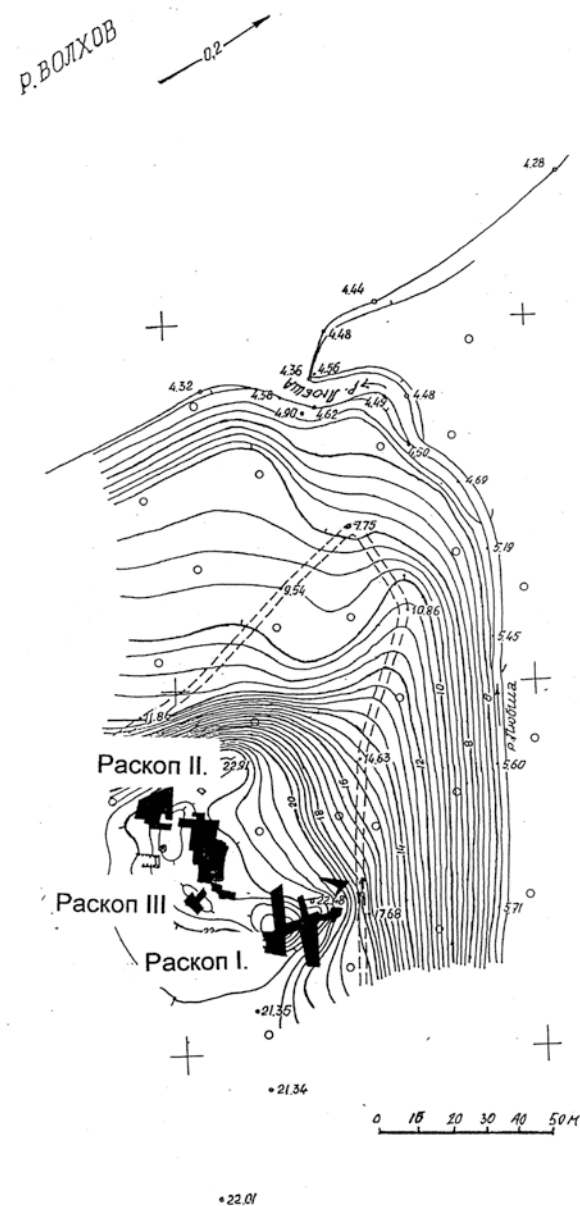


Рис. 1. Старая Ладога и ее окрестности. Схема расположения основных археологических памятников: а – средневековый культурный слой; б – сохранившиеся сопки; в – несохранившиеся сопки; г – курганы; д – грунтовые могильники; е – храмы (по: Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 197. Рис. 1)

Fig. 1. Old Ladoga and its surroundings. Scheme of the location of the main archaeological sites: a – the medieval cultural layer; b – preserved hills; in – non-preserved hills, g – mounds; d – ground burial grounds; e – temples (after Ryabinin, Dubashinsky, 2002. P. 197, Fig. 1)



Система высот – Балтийская.
Основные горизонталы проведены через 0,5 м

Рис. 2. Городище Любша. Инструментальный топографический план памятника с контурами раскопов 1997–2001 гг. Масштаб 1 : 1000. Автор А. В. Дубашинский
Fig. 2. The Lyubsha hillfort. Instrumental topographical plan of the monument with the contours of excavation units 1997–2001. Scale 1 : 1000. Made by A. V. Dubashinsky

из археологических памятников Восточной Европы, Юго-Восточной Прибалтики и Подунавья (*Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 200–202*). Однако авторами было высказано мнение о том, что жители Любши занимались ремонтом морских судов и обслуживанием судоходного Волжского торгового пути, а в гавани у городища могла быть стоянка крупных морских кораблей (*Там же. С. 202*).

Стоит отметить, что вещи северного круга в археологическом материале городища Любша присутствуют, но действительно выражены не ярко, намного слабее, чем в Ладоге или на Рюриковом городище. В частности, здесь полностью отсутствуют престижные дорогие украшения скандинавского облика. Однако северная традиция все же представлена здесь немногочисленной, но достаточно выразительной серией разнообразных изделий — по большей части бытовых предметов из черных металлов, которые не сразу получили должную оценку и интерпретацию. Некоторые из них напрямую, другие косвенно указывают на вероятное присутствие здесь выходцев из Северной Европы. Относились они к постоянному контингенту населения крепости и окружавшего ее посада или нет, сказать затруднительно. По меньшей мере, они посещали данное поселение. Но возникает вопрос: можно ли причислять их к «элите»?

После открытия Е. А. Рябининым в 1997–2001 гг. мощной каменно-земляной фортификации на Любше (*Рябинин, 1998. С. 4–6. Рис. 7; Рябинин, 2000. С. 9–13. Рис. 3–7*) закономерно возник вопрос о статусе этого археологического памятника. Существует мнение о том, что на городище проживали представители военно-дружинной верхушки (*Еремеев, 2010. С. 203*). По какой причине здесь было возведено столь мощное укрепление с внутривальными конструкциями из плит известняка, одно из самых ранних на Руси сооружений такого вида? Была ли Любша в эпоху викингов действительно элитным поселением? Ответ на поставленный вопрос отчасти может дать анализ вещей скандинавского облика из материалов раскопок городища.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что присутствующие в любшанской коллекции вещи северного происхождения связаны с самыми разными сторонами жизни средневекового общества — ремеслом, судостроением, играми, военным делом. Среди них есть предметы быта, украшения и даже части музыкальных инструментов. Необходимо сразу отметить, что большинство выявленных вещей нельзя напрямую связывать с присутствием скандинавов на городище Любша. Это широко распространенные типы изделий, которые отображают некую «северную вуаль» в материальной культуре местного населения: североевропейские по своему происхождению, они широко вошли в бытовую жизнь Руси. Однако в комплексе находок присутствуют и несомненные импорты. Все предметы этого круга из городища Любша датируются VIII — серединой, второй половиной IX в.

Подавляющее большинство вещей североевропейской традиции найдено в юго-западной части жилой площадки городища, где в 1997–2001 гг. был расположен раскоп II (участки 1, 2) Е. А. Рябининой. Планиграфия и стратиграфия данного раскопанного участка были исследованы по выявленным в архивах

ИИМК РАН и ИА РАН документам, и результаты опубликованы в соответствующей статье (*Миляев, 2018*). Раскоп II, самый большой по площади, примыкал к валу с внутренней стороны. В пределах его было исследовано 6 археологических комплексов, являвшихся остатками построек на жилой площадке городища. Большинство их относятся к периоду существования каменно-земляной крепости (VIII–IX вв.). Находки по большей части залежали в так называемом «жилом слое» (по терминологии полевых отчетов Е. А. Рябининой) — сыпучем темно-сером гумусе с золой и костями животных. Однако исследование полевой документации показало, что данная прослойка связана с процессом разрушения укреплений и построек на площадке городища Любша и последующей более поздней хозяйственной деятельности, проводившейся на его территории (*Миляев, 2018, в печати*). Интересующие нас изделия в основном были найдены в верхней части этой прослойки, некоторые вещи встречены в переотложенном состоянии — в слое пахоты или насыпи крепостного вала.

Начать описание стоит с находок, связанных с судостроением. Корабль представлял собой один из самых значимых символов Средневековья и его элиты. Владение кораблем или несколькими судами служило важным социальным, экономическим и политическим маркером, показателем значимости в раннесредневековом обществе. На городище Любша в 1997–2001 гг. найдено более 50 целых ладейных заклепок, а также их фрагменты (целых из них 28 шт.) (*Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 202*). В подавляющем большинстве это стандартные изделия с округлой шляпкой, стержнем квадратного сечения и ромбовидной, реже округлой, шайбой (рис. 4: 1). Самые крупные из них, несомненно, скрепляли доски судовых бортов методом в клинкер, т. е. внахлест. Это типично североевропейская судостроительная традиция, которая получила широкое распространение не только в Европе, но и по всей Балтике (*Сорокин, 1997. С. 90*). Массово встречены они и в Древней Руси — не только в крупных торгово-ремесленных центрах, таких как Ладога (*Равдоникас, 1949. С. 44*), Рюриково городище, Новгород (*Сорокин, 1997. С. 82*), Гнёздово, Тимерёво (*Фехнер, 1963. С. 13, 16*), но и на небольших селищах, расположенных вдоль торговых путей (*Носов, Плохов, 1991. С. 141*).

Далеко не все любшанские заклепки являлись судовыми деталями. Некоторые из них, имеющие небольшие размеры, могли скреплять составные части мебели, повозок, боевых щитов и других деревянных изделий. Однако традиция использования заклепок подобного типа все-таки являлась изначально скандинавской. Она широко вошла в обиход населения Древней Руси, которое стало массово изготавливать их для своих нужд. Серию этих изделий, найденную на городище Любша, не стоит напрямую связывать с проживанием на его территории выходцев из Северной Европы. Скорее это просто один из элементов богатой и разнообразной материальной культуры того периода.

Находкой, несомненно, скандинавского происхождения является железный ключ от нутряного деревянного дверного замка (рис. 3: 6). Данный тип ключа назван якоревидным и является крайне редкой находкой для территории Восточной Европы. Изделие конструктивно состоит из прямой рукоятки и отходящих

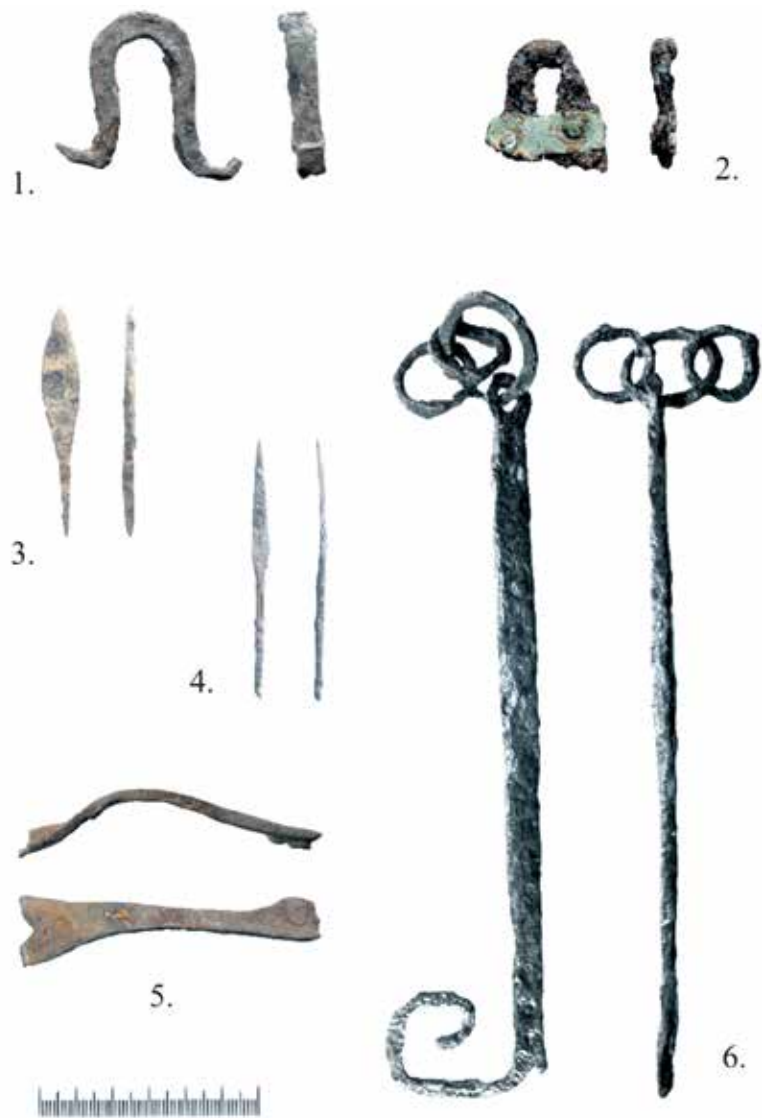


Рис. 3. Городище Любша. Раскопки 1997–2001: 1 – ушко котла (Л01/№ 125); 2 – ушко котла с приклепанной пластиной медного сплава (Л01/№ 257); 3 – наконечник стрелы (Л01/№ 227); 4 – наконечник стрелы (Л99/№ 78); 5 – ручка сундука или ларца (Л01/№ 251); 6 – ключ якоревидный от внутреннего замка (Л98/№ 102).

1, 3–6 – железо, 2 – железо, медный сплав

Fig. 3. The Lyubsha hillfort. 1997–2001: 1 – eye of the boiler (L01 / N125); 2 – eye of the boiler with riveted copper alloy plate (L01 / № 257); 3 – arrowhead (L01 / № 227); 4 – arrowhead (L99 / № 78); 5 – handle chest or casket (L01 / № 251); 6 – key anchor-shaped from the interior lock (L98 / N102).

1, 3–6 – iron, 2 – iron, copper alloy

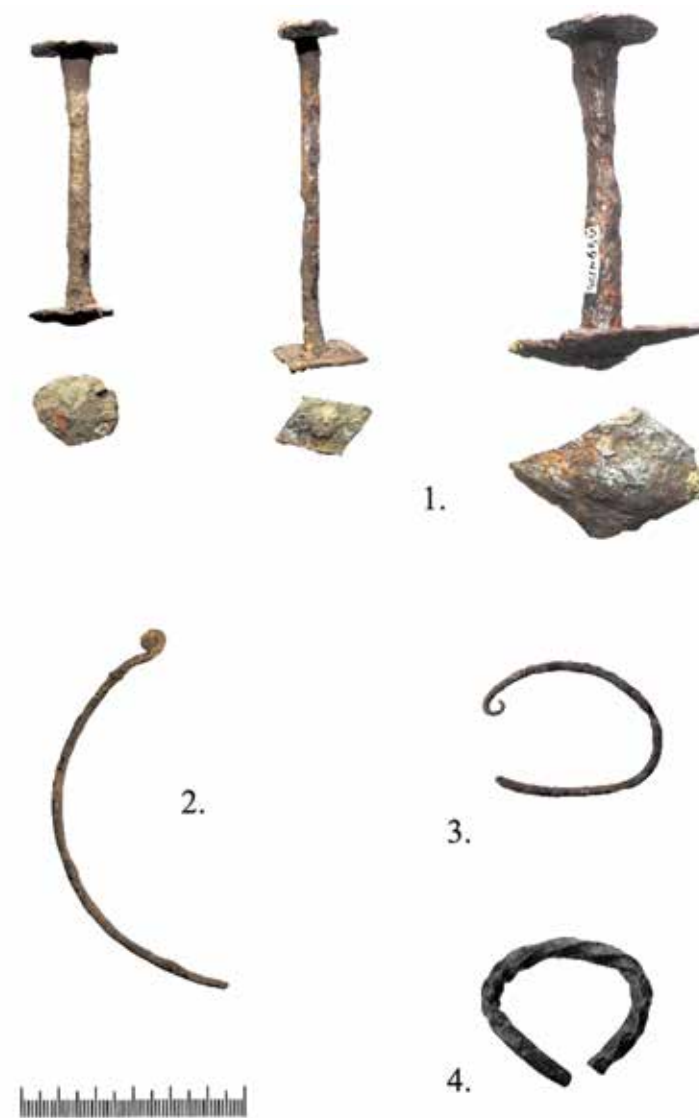


Рис. 4. Городище Любша. Раскопки 1997–2001: 1 – заклепки судовые (Л00/№ 180, Л01/№ 60, Л99/№ 196); 2 – гривны железной фрагмент (Л00/№ 205); 3 – гривны железной фрагмент (Л01/№ 237); 4 – кольцо железное из перевитого дрота.

1–4 – железо

Fig. 4. The Lyubsha hillfort. 1997–2001: 1 – rivets of the ship (L00 / N180, L01 / N60, L99 / N196); 2 – fragment of torc (L00 / N205); 3 – fragment of torc (L01 / N237); 4 – ring made of twisted wire.

1–4 – iron



Рис. 5. Городище Любша/ Раскопки 1997–2001. 1 – формы литейной фрагмент (Л98/№ 68); 2 – слиток-полуфабрикат (Л01/БН); 3 – слиток-полуфабрикат (Л01/БН); 4 – шашка игральная (Л99/№ 145); 5 – кобылка-подставка для струн лиры (Л99/№ 3); 6 – стенки сосуда фрагмент (Л98/№ 70); 7 – грузила дисковидного для ткацкого станка фрагмент (Л01/№ 295).

1 – песчаник, 2, 3 – медный сплав, 4 – кость, 5 – янтарь, 6 – стекло, 7 – глина

Fig. 5. The Lyubsha hillfort. 1997–2001. 1 – fragment of a casting mold (L98 / N68); 2 – ingot /semi-finished product/ (L01 / BN); 3 – ingot /semi-finished product/ (L01 / BN); 4 – game-checker (L99 / N145); 5 – bridge for lyre strings (L99 / N3); 6 – a piece of glass vessel (L98 / N70); 7 – fragment of a sinker for weaving loom (L01 / N295).

1 – sandstone, 2, 3 – copper alloy, 4 – bone, 5 – amber, 6 – glass, 7 – clay

от нее в нижней части с боков двух закрученных валют, одна из которых на образце из Любши обломана у основания. Длина ключа составляет 21 см, ширина – 7 см, ширина сохранившейся валюты – 3,5 см, сечение его прямоугольное. Помимо любшанского на территории Руси найден всего один ключ такого типа – в Новгороде, где он датирован второй половиной XI в. (Хорошев, 1997. С. 253. Табл. 7: 2; Кудрявцев, 2014. С. 94). Ключ, происходящий из слоя Любши, является более ранним и относится к VIII–IX вв. Аналогии таким изделиям имеются в датском Хедебю (*Westphalen*, 2002. Taf. 67: 1–7, taf. 84: 19, 20), в Ральсвики на острове Рюген (*Herrmann*, 2005. С. 66г), в польском Трусо (*Pacifica terra...* С. 109), где также зафиксировано присутствие выходцев из Скандинавии. Большинство ключей такого типа имеет более простую форму, без закрученных валют (*Westphalen*, 2002. С. 175. Abb. 80). Полные аналогии ключу из Любши есть только среди находок в Хедебю (*Op. cit.* Taf. 84: 19–20).

Интересен тот факт, что на навершии ключа укреплено кольцо, в которое продеты еще два малых колечка. Видимо, это была целая связка ключей от дома; подобные ключи могли использоваться для закрывания как входных дверей, так и сундуков. Отметим, что описанный ключ никак не мог быть предметом торговли. Скорее всего, он был изготовлен на городище Любша по скандинавскому образцу выходцем с Севера или мастером, хорошо знакомым с данной технологией и традицией. Владелец такого необычного ключа вполне мог быть этническим скандинавом, проживавшим на Любше или посещавшим ее.

В числе вещей североευропейского круга, которые вошли в домашний обиход населения Любшанского городища, следует также назвать котлы, склепанные из железных листов. Об использовании таких изделий говорят находки их фрагментов – ушек для подвешивания над огнем (рис. 3: 1, 2). Подобных предметов выявлено не менее четырех, некоторые из них фрагментированы. Одно ушко приклепывалось к краю котла железными заклепками при помощи своеобразной шайбы – полоски из листа медного сплава (рис. 3: 2). Данная традиция, североευропейская по своему происхождению, также прочно вошла в обиход жителей Руси, утратив первоначальные этнические маркеры. Находки деталей железных котлов известны почти на всех крупных поселениях Восточной Европы (*Розенфельдт*, 1997. С. 38–39). Стоит особо упомянуть об использовании их для приготовления пищи в быту военных отрядов – дружин древнерусского времени. Железные котлы иногда входили в состав богатого сопроводительного инвентаря в погребениях военной элиты Древней Руси эпохи викингов (*Седов*, 1982. С. 248, 253). На территории Руси они обнаружены в курганах Гнёздово, Черниговщины, Юго-Восточного Приладожья (*Розенфельдт*, 1997. С. 39, 274. Табл. 28; *Седов*, 1982. С. 248, 253, 255, 280. Табл. LXVII), с большой долей вероятности, такие изделия могли использоваться воинским контингентом, постоянно или временно находившимся на Любше.

В домашнем обиходе Древней Руси часто использовались сундуки и ларцы с металлической фурнитурой. Эти вещи также ведут свое происхождение с севера Европы. Среди любшанских находок присутствует большое количество

разнообразных железных оковок, но они чаще всего сильно фрагментированы, и понять, к какому деревянному изделию они принадлежали, крайне сложно. Из всего обилия подобных предметов с уверенностью можно выделить ручку от сундучка (рис. 3: 5). Это изогнутая железная пластина длиной около 9 см, шириной от 0,5 до 2 см, толщиной 3 мм с расширяющимися концами, в которых пробиты отверстия. В одном из них сохранилась заклепка, при помощи которой деталь крепилась к деревянной основе.

Отметим, что ни детали котлов, ни железные оковки также не свидетельствуют о присутствии этнических скандинавов на городище Любша. Они также являются свидетельством моды и заметного влияния северной традиции.

Интересной находкой является небольшой фрагмент глиняного дисковидного грузила для вертикального ткацкого станка (рис. 5: 7). Находка представляет собой скол верхней части изделия размерами $65 \times 37 \times 17$ мм, с остатками центрального отверстия. Это типичный бытовой предмет скандинавского круга, связанный с женскими домашними промыслами. Он применялся для натяжения нитей основы, к концам которых подвешивались такие грузила из глины (Давидан, 1981. С. 112). От рыболовецких и других подобных изделий их отличают дисковидная форма и профиль в виде линзы, а также глиняное тесто очень высокого качества. Оно хорошо отмучено, примеси почти не заметны, обжиг отличный, цвет однородный. Такие же технологические признаки были отмечены у глиняных дисков, найденных на Земляном городище Старой Ладого, где они датируются IX–X вв. (Штакельберг, 1962. С. 109, 111). Подобные грузила также были найдены на Рюриковом городище (Носов, 2012. С. 116–117), в Тимерёво (Дубов, 1982. С. 166). Они вполне могут свидетельствовать о присутствии на поселениях женщин-иммигранток — носительниц североевропейских традиций.

Широко распространенным украшением североевропейского происхождения являются железные шейные гривны. На древнерусских поселениях IX–X вв. эти находки считаются признаком вероятного присутствия среди жителей выходцев со Скандинавского севера (Седов, 1982. С. 252). Найдены они в Гнёздово (Там же. С. 250, 281. Табл. LXVIII; Пушкина, Мурашёва, Енисосова, 2012. С. 257), Тимерёво (Фехнер, 1963. С. 13, 85), в Ладого (Давидан, 1976. С. 112), на Рюриковом городище (Носов, 1990. С. 73–74, 124–126. Рис. 30; 46: 1, 4, 5) и во многих других поселениях и могильниках. Часто железные гривны имели подвески в виде «молоточков Тора» или железных колец. В самой Скандинавии они зафиксированы преимущественно в материалах погребальных памятников Швеции.

На городище Любша найдены два фрагмента таких гривен, изготовленных из железного дрота круглого сечения диаметром 5 мм. Оба обломка представляют собой концы сломанных изделий, длиной 97 и 48 мм. Конец одного фрагмента оформлен в виде волюты (рис. 4: 2), другого — в виде крючка (рис. 4: 3). Судя по материалам погребений, железные гривны не принадлежали к украшениям элиты, но иногда входили в состав инвентаря весьма богатых погребений (Седов, 1982. С. 248, 250). Несколько позже, в конце X — XI в., подобные

изделия получили широкое распространение у населения Древней Руси, причем не только на Северо-Западе, но и в других регионах. В Скандинавии железные гривны бытовали в период с VIII по XI в. (Носов, 1990. С. 73). На территории Руси они появились в начале второй половины VIII в. (Давидан, 1976. С. 112; Носов, 1990. С. 73–74). Таким образом, экземпляры из Любши, датированные в целом VIII–IX вв., входят в число наиболее ранних изделий такого типа, происходящих из материалов раскопок раннесредневековых древнерусских памятников.

В круг интересующих нас предметов входит также кольцо с несомкнутыми концами диаметром 6,4 см, изготовленное из перекрученного железного дрота квадратного сечения 5×5 мм (рис. 4: 4). Один конец его обрублен, другой прямой, не имеющий крутки на длину 25 мм. Предметы эти являлись амулетами (Носов, 1990. С. 125; Дорофеева, 2011. С. 189–190). Нередко в одно большое кольцо продевалось несколько малых, к ним также могли прикрепляться подвески в виде «молоточков Тора». Изделия такого типа — весьма частая находка в Северной Европе (Носов, 1990. С. 76, 126; Дорофеева, 2011. С. 188–189), а на поселениях Руси их наличие, с некоторой долей вероятности, может указывать на присутствие скандинавов в составе населения. Подобные изделия найдены, например, в Старой Ладого (Гроздилов, Третьяков, 1948. С. 135. Табл. XII), на Рюриковом городище (Носов, 1990. С. 74, 76; Носов, Хвоцинская, Медведева, 2012. С. 88–90; Поветкин, 2007. С. 179–181. Рис. 1: 1, 2, 4, 5; Дорофеева, 2011. С. 187–188), в Новгороде (Покровская, 2007. С. 281), где скандинавский компонент в составе материальной культуры выделяется достаточно отчетливо. Маловероятно, что эта вещь могла быть предметом торговли: она относится к сакральной, магической сфере (Дорофеева, 2011. С. 193).

Самой яркой, выдающейся находкой из числа изделий скандинавского происхождения является «кобылка» — подставка под струны музыкального инструмента, изготовленная из куска янтаря. Это уникальная, единичная для территории Древней Руси вещь, которая, безусловно, заслуживает отдельной публикации. До сих пор она была известна лишь по материалам полевого отчета (Рябинин, 2000. С. 51. Рис. 26, 17) и фотографиям в альбомах «У истоков Северной Руси. Новые открытия» (Рябинин, Коротенко, 2003. С. 202) и «Русь изначальная» (Рябинин, Коротенко, 2003б. С. 197).

Длина изделия составляет 27 мм, высота — 20 мм, ширина в основании — 10 мм (рис. 5: 5). Основание выполнено в форме трех ножек конусовидной формы, в верхней части имеются 6 пропилов для струн. В. И. Поветкин атрибутировал данный предмет как «кобылку» шестиструнной щипковой лиры, указал на ее единичность в российском археологическом материале и предположил западноевропейское происхождение изделия. В качестве аналогий автором указывались находки из Хедебю, Нидерландов и Швеции (Поветкин, 2002. С. 76–77). Аналогичная деталь музыкального инструмента со схожими параметрами найдена на о. Готланд в богатом погребении VIII — начала IX в. в Бруа, Халла (Broa, Halla) (Янссон и др., 1996. С. 24).

Не вдаваясь в подробности конструкции самого инструмента, к которому относится указанная деталь, необходимо выяснить, принадлежала ли она к культуре раннесредневековой элиты? Находки деталей струнных музыкальных инструментов нечасты и для более поздних периодов истории Руси (XI–XIV вв.), хотя отмечается некоторое их распространение в среде городского населения (*Поветкин, 1997. С. 179–183*). Однако в период VIII–IX вв., к которому относится «кобылка» из Любши, подобные инструменты являлись предметами роскоши и принадлежали исключительно элитарной культуре. В средневековых письменных источниках присутствуют описания пиров у правителей и знатных людей, на которых исполнялись скальдические стихи под аккомпанемент струнных инструментов, чаще всего — лиры (*Росдаль, 2001. С. 43*). Контекст аналогичных находок в погребальных памятниках абсолютно точно подтверждает их принадлежность представителям элиты североевропейского раннесредневекового общества.

В 1998 г. на городище был найден фрагмент стенки импортного стеклянного сосуда (рис. 5: 6) зеленоватого стекла размерами около 15 × 15 мм, толщиной 2 мм. К сожалению, мы не можем сказать, к какому типу сосудов принадлежал данный осколок, однако можно утверждать, что в VIII–IX вв. это было дорогое импортное изделие, из числа тех, что поставлялись в Северную и Восточную Европу из Империи Каролингов или с мусульманского Востока. Для любшанской находки логичнее предположить франкское происхождение, хотя возможен и второй вариант. Точно можно сказать, что стеклянная посуда на территории Восточной Европы являлась предметом роскоши и, несомненно, принадлежала элитарной культуре. В этой связи можно вспомнить богатые погребения Скандинавии, в состав инвентаря которых входили сосуды из стекла (*Лебедев, 2005. С. 189–190*), а также находки их в Старой Ладоге (*Кирпичников, 2008. Илл. 22*) и несколько более поздние — на Рюриковом городище (Плохов, 2007. С. 168–169). Стремление подражать Империи франков, роскоши ее элиты было характерно для скандинавов в VIII–X вв. Поэтому находка такого фрагмента на Любше весьма важна для характеристики социального контекста, хотя напрямую связать ее с представителями Северной Европы невозможно.

Важное место в жизни и досуге людей Древней Руси занимали различные игры, из которых многие были североевропейскими по своему происхождению. В настольные игры с применением костяных, каменных, глиняных или стеклянных шашек играли все, вне зависимости от социального положения. Среди артефактов с Любшанского городища имеется костяная полусферическая шашка для игры диаметром 24 и высотой 28 мм (рис. 5: 4). На ее нижней поверхности имеется конусообразное углубление, на верхней части также есть небольшая выемка. Наличие их может указывать на то, что предмет был изготовлен при помощи токарного станка. При раскопках в Старой Ладоге были найдены костяные игральные шашки, выточенные на токарном станке и датированные второй половиной VIII — IX в. (*Давидан, 1970. С. 82*). Подобные вещи были широко распространены в Северной Европе, особенно в Швеции и Нор-

вегии (*Корзухина, 1963. С. 90; Articus, 1983. С. 92–94*). Находки их есть на поселениях, но более интересны целые наборы из погребений, где игры иногда входили в состав инвентаря. Известны они в камерных погребениях и богатых «княжеских курганах», таких как Черная могила, Гульбище, некоторых курганах Шестовиц и Гнёздово (*Корзухина, 1963. С. 89; Михайлов, 2016. С. 125*). Конечно, говорить о принадлежности любшанской шашки к одному из подобных роскошных комплексов затруднительно, однако она свидетельствует о распространении североевропейских настольных игр в среде населения городища.

Предметы вооружения северного облика в материалах городища Любша практически отсутствуют. В качестве примера подобной традиции можно привести лишь две стрелы североевропейских типов. Обе они черешковые, одна — шиловидная (рис. 3: 4), вторая ланцетовидной формы (рис. 3: 3). Впрочем, последняя форма классической не является, она ближе к листовидной. Такие наконечники широко встречены на пространствах Восточной Европы. Конечно, это не типичные скандинавские изделия, а, скорее всего, подражания им, изготовленные в Поволховье.

О влиянии североевропейской традиции на ювелирное дело Любшанского городища свидетельствует большое (30 шт.) количество слитков медного сплава, отлитых в каменных открытых формах — изложницах (рис. 5: 2, 3). В коллекции есть целые и фрагментированные экземпляры различной длины и веса. Сечение изделий в основном трапециевидное, хотя есть и иные (полукруглые, овальные). Подобные слитки и каменные формы для их изготовления в раннем Средневековье были связаны с североевропейской металлургической традицией и впоследствии широко распространились по всему Балтийскому региону (*Кирпичников, Енисова, 2004. С. 295*). Есть такие находки и на территории Руси, в крупных торгово-ремесленных поселениях, на которых было выявлено присутствие скандинавов. Найдены они были в Ладогe (*Давидан, 1980. С. 62, 65. Табл. 2: 1–4, 6, 7, 10*), на Рюриковом городище (*Носов, 1990. С. 92*), в Гнёздово и Тимерёво (*Кирпичников, Енисова, 2004. С. 295*), а также на Сарском городище (*Леонтьев, 1996. С. 128. Рис. 50: 1, 3, 4, 7–11*) и в Городке на Ловати (*Горюнова, 2016. С. 44. Фото 12*). Определенно часть сырья, используемого местными ювелирами, была привозной и поступала из стран Севера, возможно, слитки могли использоваться как платежное средство (*Кирпичников, 2001. С. 208*).

Комплекс находок, отражающих влияние северных ремесленных традиций, дополняет каменная форма-изложница для изготовления слитков, длиной 70 мм, шириной 55 и толщиной 40 мм (рис. 5: 1). Она была вырезана из песчаника и изначально была прямоугольной, но затем была разбита, и ее крупный подтреугольный фрагмент использовался в качестве точильного камня, о чем говорят характерные следы на его внешней стороне. Форма предназначалась для отливки двух слитков в виде стержней полукруглого сечения шириной 5 и толщиной 4 мм. Негативы расположены параллельно на расстоянии 8 мм друг от друга. Наиболее территориально близкие аналогии этому изделию были обнаружены в Ладогe (*Давидан, 1980. С. 65; Кирпичников, 2007. С. 208*).

и Рюриковом городище (*Хвоцинская, 2007. С. 200–201*), также они были найдены в Скандинавии, Северной Германии, Британии (*Киртичников, 2007. С. 208*). Обычно каменные изложницы массивны, негативы слитков имеют в основном трапециевидное сечение. В случае с любшанской формой мы, скорее всего, имеем дело с изделием местных мастеров, выполненным в североευропейской традиции, уже несколько изменившейся в среде населения Нижнего Поволжья.

На основе анализа представленных находок североευропейского облика с городища Любша можно сделать следующие предварительные выводы:

— В археологических материалах городища Любша выявлена серия находок, типы которых связаны происхождением со Скандинавским регионом. Материальная культура поселения была полиэтнична, в ней присутствовали разные компоненты, в том числе североευропейский. Утверждать полное отсутствие на городище скандинавских выходцев явно не стоит.

— Сравнительно небольшое количество находок северной традиции не позволяет говорить о сколько-нибудь значительном скандинавском присутствии на Любше. Вероятно, большинство носителей этой традиции не проживало на самом городище, а останавливалось во время корабельных стоянок на открытом поселении, которое выявлено к югу и юго-западу от вала городища. Всего найдено около 16 индивидуальных находок «северной вуали», не считая ладейных заклепок и фрагментов железных оковок. Основное население Любши составляли, по-видимому, носители славянской традиции.

— Посещение Любшанского городища выходцами с Севера, вероятно, имело место со второй половины VIII в. Вряд ли оно могло происходить раньше основания поселения в Ладоге (около 753 г.).

— Большая часть описанных в статье находок не являются импортами из Скандинавии; они представляют собой подражание северным изделиям, что отражает следование определенной модной тенденции и влияние северной традиции на материальную культуру местного населения Нижнего Поволжья — так называемую «северную вуаль».

Интересно отметить полное отсутствие на городище целых или фрагментированных украшений скандинавского облика, как мужских, так и женских, а также восточного монетного серебра (*Рябинин, 2002. С. 56*). К украшениям скандинавского облика можно отнести разве что 2 фрагмента железных гривен, что говорит о практическом отсутствии на городище Любша постоянного скандинавского населения.

Абсолютное большинство вещей северной традиции связаны с различными ремеслами, в первую очередь с судостроением и бронзолитейным делом. Устье реки Любша в Средневековье было удобной гаванью. Возможно, в ней стояли и ремонтировались корабли. Об этом свидетельствуют не расклепанные и бракованные ладейные заклепки, а также большое количество кузнечных полуфабрикатов и отходов. Заклепки изготовлялись на месте насельниками Любшанского городища по северной технологии для кораблей с клинкерной обшивкой бортов.

Мастера на поселении занимались литьем ювелирных украшений из медного сплава, используя привозные скандинавские слитки, отлитые в каменных формах-изложницах, и литейные формы из песчаника для этих слитков, также изготовленные в северной традиции. Мастера не были скандинавами, но на традиции ремесла Север оказывал большое влияние и являлся сырьевой базой. Изделия предназначались, конечно, для местного населения.

О возможном проживании скандинавов на Любше могут свидетельствовать только якоревидный ключ, амулет в виде железного кольца из перекрученного дрота и янтарная подставка для струн лиры. Это вещи типично североευропейские, они не могли быть предметом торговли и подражания. Хотя, с другой стороны, они могли быть утеряны их владельцами при эпизодическом посещении городища.

Выходцы из Северных стран, посещавшие Любшу, в основном представляли собой ремесленников и купцов, которые одновременно могли быть и воинами. Какие-либо яркие свидетельства заморской торговли здесь отсутствуют; видимо, торг происходил в Ладоге, а возле Любши располагалась стоянка кораблей и производился их ремонт.

Так или иначе, на поселении присутствовали, а может быть, и проживали время от времени, отдельные представители элиты раннесредневекового общества. Об этом свидетельствует в первую очередь находка янтарной «кобылки» — подставки для струн лиры. Это изделие было доступно лишь представителям высших слоев населения. О том же говорит и осколок дорогого импортного стеклянного сосуда. Скорее всего, это были судовладельцы и предводители дружин.

Постоянный скандинавский военный контингент на Любше отсутствовал, при раскопках было найдено оружие только местных типов. Однако северные дружины могли посещать городище в составе судовых команд. Об этом свидетельствуют фрагменты железных клепаных котлов и шашка для игры, которые, судя по материалам погребений, были связаны с мужской дружинной субкультурой.

По составу этой небольшой, но выразительной коллекции можно сделать определенные выводы и о статусе поселения на Любше в VIII–IX вв. Это не было элитное поселение; точнее, оно могло выступать таковым для местных жителей, но не для посещавших его выходцев с Севера. Интересно почти полное отсутствие следов международной торговли, тесно связанной с выходцами из Скандинавии, характерной для многих поселений Поволжья эпохи викингов. Возможно, Любша была своеобразным пригородом Ладоги, игравшим некую военно-административную роль для жителей Ладужской округи. Косвенно об этом свидетельствует само географическое расположение Любши. Это были «ворота» Ладоги — крепость, расположенная в 1,5 км ближе к «морю» (Ладужскому озеру), чем основное поселение. Здесь морские корабли делали первую остановку, стояли на рейде, ремонтировались, но не вели широкой торговли, которая осуществлялась в Ладоге. Можно предположить, что купцы ждали на Любше своей очереди для прохождения неких досмотровых действий

и операций, предваряющих торговлю (от этого ожидания и остался ряд несомненно привозных статусных вещей, вроде фрагмента стеклянного сосуда или подставки для струн лиры).

Стоит отметить, что данный перечень находок североευропейского облика может незначительно пополниться при дальнейшем изучении материалов раскопок городища Любша. Расширить наше понимание данной категории изделий поможет привязка упомянутых вещей к стратиграфии и планиграфии памятника, возможность которой появилась только сейчас, после обнаружения всех чертежей и сведения воедино всего комплекса полевой документации. Несомненно, это поможет выделить уже не единичные вещи, а комплексы с находками североευропейского происхождения и уточнить их датировку.

Литература

- Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XIII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 352 с.
- Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога / Отв. ред. В. И. Равдоникас. Л., 1948. С. 71–107.
- Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 81–88.
- Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. С. Вып. 17. 101–118.
- Давидан О. И. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 59–67.
- Давидан О. И. Ткани Старой Ладоги // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 100–113.
- Дорофеева Т. С. Скандинавская погребушка X в. с городища под Новгородом // ННЗИА. 2011. Вып. 25. С. 187–193.
- Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
- Еремеев И. И. Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Кирпичников А. Н. Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока (по данным раскопок 2002 г.) // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 195–220.
- Кирпичников А. Н. Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 329–362.
- Кирпичников А. Н., Енисосова Н. В. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В. В. Седова / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Чернецова, Н. В. Лопатина. М.: Наука, 2004. С. 290–297.

- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2013. 216 с.
- Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4. С. 85–102.
- Кудрявцев А. А. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: Автореф. дис. ... канд. истор. н. М., 2014. Т. I.
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Гео-эко, 1996. 340 с.
- Миляев П. А. Городище Любша в Нижнем Поволжье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2015. Вып. 5. С. 108–124.
- Миляев П. А. Городище Любша в Нижнем Поволжье. Планиграфия и стратиграфия памятника по материалам полевой документации 1997–2001 гг. (Раскоп II, участки 1, 2) // Археологические вести. 2018. Вып. 24. В печати.
- Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX–XI веков в контексте североευропейских аналогий. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.
- Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.
- Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–119.
- Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Колено на средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М., 1991. С. 117–149.
- Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В. Новгородская Русь. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: ЛИК, 2012. 224 с.
- Поветкин В. И. Музыкальные инструменты // Древняя Русь. Быт и культура / сер. Археология СССР. М.: Наука, 1997. С. 179–185.
- Поветкин В. И. Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // ННЗИА. 2002. Вып. 16. С. 69–77.
- Поветкин В. И. Гудебный обиход Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 178–194.
- Покровская Л. В. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 280–284.
- Пушкина Т. А., Мурашова В. В., Енисосова Н. В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.
- Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. 1949. Вып. XI. С. 5–54.
- Розенфельдт Р. Л. Металлическая посуда, кухонная и столовая // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 41–42.

- Росдаль Э.* Мир викингов. СПб.: Всемирное слово, 2001. 272 с.
- Рябини Е. А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища в 1997 г. Рукопись. Архив ИА РАН. 1998. Ф. 1. Р. 1. № 21337.
- Рябини Е. А.* Отчет Волховского археологического отряда ИИМК РАН в 1999 г. Рукопись. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22205, 2000.
- Рябини Е. А.* Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволжье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, образование, история Ленинградской области Тезисы научно-практической конференции. СПб.: Вести, 2002. С. 53–58.
- Рябини Е. А.* У истоков Северной Руси. Новые открытия / Отв. ред. Н. И. Милутенко. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. 224 с.
- Рябини Е. А., Дубашицкий А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2002. С. 196–203.
- Рябини Е. А., Коротенко И. А.* Русь изначальная. СПб.: Развитие регионов, 2003. 215 с.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / сер. Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 208 с.
- Фехнер М. В.* Тимерёвский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963. С. 5–19.
- Хвоцинская Н. В.* Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова городища и стеатитовые находки на Руси // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 199–202.
- Хорошев А. С.* Замки, ключи, замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура / сер. Археология СССР. М.: Наука, 1997. С. 14–16.
- Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски из Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 109–115.
- Янссон И., Мельникова Е. А., Тегнер Е., Панова Т. Д.* Наследие варягов. Диалог культур: Каталог выставки. Borås, 1996.
- Articus R.* Vom Brettspiel der Wikinger // Duisburg und die Wikinger. Duisburg, 1983. С. 91–96.
- Herrmann J.* Ralswiek auf Rugen. Die Funde aus der Hauptsiedlung. Scwerin, 2005.
- Pacifica terra. Prusowie-Slowianie-Wikingowie u ujscia Wisly.* Katalog wystawy. Malbork, 2004.
- Westphalen P.* Die Eisefunde von Haithabu. Neumunster: Wachholtz, 2002.

Горшок знахаря из «большой постройки» Старой Ладоги

(раскоп 1973 г. на Варяжской улице)

■ Т. Б. Сениченкова, С. О. Урюпов (ГЭ)¹

Резюме. В 1973 г. в Старой Ладоге в раскопе на Варяжской ул. были найдены фрагменты лепной керамики с темно-серым веществом внутри. Это вещество было исследовано в лаборатории Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа методами электронной микроскопии с зондовым элементным анализом (РСМА) и газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием (ГЖХ–МС). Проведенное исследование свидетельствует о том, что в состав представленного вещества входят: белый наружный слой березовой коры (береста), компоненты живого растения (растений), возможно — растительное масло, жир (или иные продукты) позвоночного животного, весьма вероятно — лососевых рыб. На основании проведенного исследования можно считать исследованное вещество лекарственным средством, скорее всего, наружного применения (мазью).

Стратиграфический анализ позволил связать находку с языческим святилищем, разрушенным в 986–991 гг. В исландской Саге о Стурлауге Трудолюбивом есть эпизод: один из героев, будучи тяжело раненным, идет за врачебной помощью именно в Альдейгьюборг. Есть основания предполагать, что ладожское святилище, где не только отправляли культы, но и лечили недужных, было достаточно известно в эпоху викингов.

В историческое время мелкотолченую бересту, смешанную со сливками, использовали для лечения ран и ожогов. В настоящее время широко рекламируется лекарство, приготовленное на основе коры березы, — бетулин. Его научное открытие (1788 г.) приписывается российскому химику Иоганну Тобиасу Ловицу. Находка в Ладоге древнего лекарственного средства как нельзя лучше подтверждает поговорку: «Новое — это хорошо забытое старое».

Summary. In 1973, in excavation no. 1 in Varyazhskaya Street in Staraya Ladoga, there were found several fragments of bases of ceramic vessels with some dark gray substance on inside. Notably, rainbow spots running on the water were left at the attempt of washing off the earth from them. The substance was investigated in the laboratory of the Department for Scientific and Technical Examination of Monuments of the State Hermitage using the methods of electron microscopy with probe elemental analysis (EDRS) and gas-liquid chromatography (GLC) with mass-spectrometry detection (GLC–MS).

The shape of the remains of the substance suggests that in the course of filling the vessel it had a liquid or semi-liquid consistence and afterwards had solidified preserving the form of the vessel (Fig. 1:2). Before solidification, the substance possessed highly adhesive properties as suggested by its surface layer retaining parts of the vessel's clay (light areas in Fig. 2).

¹ Статья представляет собой дополненный вариант публикации, вышедшей в журнале *Stratum plus*: Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О. Горшок знахаря из Старой Ладоги // *Stratum plus*. 2017. N 5. С. 163–172.

Сергей Олегович УРЮПОВ — *Sergey URYUPOV*, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, отдел научно-технической экспертизы, Санкт-Петербург 190000, Россия.

E-mail: *uryupov@hermitage.ru*

Наталья Вадимовна ХВОЩИНСКАЯ — *Natalia KHVOSCHINSKAYA*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *kottimoshka85@mail.ru*

Александра Юрьевна ЧУРАКОВА — *Alexandra CHURAKOVA*, младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, отдел истории русской культуры, Санкт-Петербург 190000, Россия.

E-mail: *berdandu@mail.ru*

Йенс ШНЕЕВАЙС — *Jens SCHNEEWEIß*, Dr. phil., Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe (GWZO), Department „Man and Environment“, 04109 Leipzig, Germany; стипендиат программы «Феодор Линен» (Feodor Lynen Research Fellow) Фонда им. Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Foundation) в отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *jschnee@gwdg.de*

Содержание

От редактора (Н. И. Платонова) 5

I. Культурные трансформации и археология элиты: общие вопросы и историография

Платонова Н. И. Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований 9
Platonova N. I. Old Rus' culture and the elite of Old Rus': to the definition of concepts
Григорьева О. В. Проблемы изучения элитарной культуры в древнерусской археологии 30
Grigor'yeva O. V. Problems of Elite Culture studies in Old Rus' archaeology
Шнеевайс Й. К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование (три ключевые даты эпохи викингов: 793, 862 и 929 гг.) 40
Schneeweiß J. How historical dates can affect archaeological research (three Viking Age examples: 793 A.D., 862 A.D. and 929 A.D.)

II. Погребальные памятники и проблема выделения социальных маркеров

Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П. «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки 71
Akhmedov I. R., Gavrilov A. P. "Slavic" fibulae in the Ryazan Finns' antiquities: old and new finds
Бельский С. В. Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований 90
Bel'skiy S. V. Early medieval burial sites on the Karelian isthmus: some results of current research
Стасюк И. В. К проблеме изучения раннего древнерусского общества на северо-западной границе Новгородской земли (по материалам погребальных памятников) 116
Stasyuk I. V. The problem of early Old Rus' society on the north-west border of Novgorod land (on the data of Early Medieval cemeteries)
Платонова Н. И. К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках второй половины XI — начала XII в. (по материалам Удрайского археологического комплекса) 124
Platonova N. I. The problem of interpretation of 'rich burials' at Old-Rus' cemeteries of the 1050–1130 A.D. (on the data of Udray archaeological complex)
Приложение: *Горлов К. В., Григорьева Н. В.* Серебряные перстни с чернью из могильника Удрай-2 (погребение КН-1) и Старой Ладogi 141
Attachment: *Gorlov K. V., Grigor'yeva N. V.* Silver rings with niello from the Udray-2 cemetery (burial KN-1) and Old Ladoga

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста)147
Mikhaylova E. R., Sobolev V. Yu. Elite complexes of Old-Rusian time: stereotypes of selection (on the example of Kotorsky Pogost)

Чуракова А. Ю. Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси в XI–XII вв.158
Churakova A. Yu. Pendants – crosses of the «Scandinavian type» in the context of the funerary culture of Old Rus' in the 1000–1200 A.D.

III. Археология городов и поселений:

проблема социальных структур раннего Средневековья

Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Атрибуция жилых построек древнерусского времени в центральной части Рюрикова городища (к обсуждению вопроса о выделении элитарных жилых комплексов) 179

Nosov E. N., Khvoschinskaya N. V. Attribution of large buildings of the Old Rus' period in the central part of Rurik Gorodishche (to the discussion of elite residential complexes)

Шнеевайс Й. Раннесредневековые городища Северной Германии198
Schneeweiß J. Early medieval strongholds in Northern Germany

Миляев П. А. Изделия североευропейского облика в материальной культуре городища Любша IX – начала X в. (предварительное сообщение)225
Milyaev P. A. The artifacts of Northern European origin on Lyubsha hillfort (advance publication)

Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О. Горшок знахаря из «большой постройки» Старой Ладogi (раскоп 1973 г. на Варяжской улице)245
Senichenkova T. B., Uryupov S. O. Folk healer's pot from the "large building" in Staraya Ladoga (excavations at Varyazhskaya street, 1973)

Михайлова Е. Р. Городище на Втырке261
E. R. Mikhaylova The hillfort of Vtyrka

Йонайтис Р., Каплунайте И. Многокультурный Вильнюс: сосуществование двух христианских конфессий на раннем этапе развития города283
Jonaitis R., Kaplūnaitė I. Multicultural Vilnius. The coexistence of two Christian religions at the early stage of city development

Список сокращений305

Список авторов306

Научное издание

Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.

Ответственный редактор *д. и. н. Н. И. Платонова*

Руководитель издательских проектов *М. В. Беглецова*

Корректор *М. К. Одинокова*

Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Дизайн обложки *В. Ю. Обласов*

Подписано в печать 08.12.2017. Формат 70 × 100/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 25,35. Тираж 500 экз. Заказ № 1804025

Издательский дом «Бранко»

197022, Санкт-Петербург, ул. Медиков, д. 3, лит. А

Тел. (812)702-92-95

info@branko-print.ru

www.branko-print.ru

Отпечатано в типографии «ЛПринт»